

**Тонков Евгений Евгеньевич,**  
директор юридического института НИУ «БелГУ»,  
доктор юридических наук, профессор,  
заслуженный юрист Российской Федерации  
(Белгород, Россия)

## **ПРАВСТВЕННОСТЬ В ПРАВЕ: ВОЗМОЖНОСТЬ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ**

**Аннотация.** В статье рассматриваются основные причины рассогласования морали и права как форм общественного сознания, определяются возможные направления повышения роли нравственных начал в совершенствовании действующего законодательства, приводятся аргументы в пользу вывода о том, что в настоящее время наличие в содержании юридической нормы этического компонента как морального обоснования ее справедливости не является обязательным, хотя и может подразумеваться.

**Ключевые слова:** нравственность, право, государство, власть, личность, общество, насилие, свобода, безопасность

*«Если общие черты морали и права указывают на их принадлежность к единой соционормативной сфере культуры, широкому миру нравственных явлений, то различия, в каком бы количестве они нам не представлялись, образуют тот необходимый материал, на котором можно возводить концептуальные построения относительно самостоятельности и специфики данных нормативно-регулятивных систем» (Г.В. Мальцев) [1, с. 182].*

Выдающийся российский правовед и мыслитель Геннадий Васильевич Мальцев был убежден, что «изучение морали и права следует начинать не с них самих, а с предварительного исследования сущностных, структурных и функциональных проблем соционормативной культуры общества» [1, с.183].

Достаточно распространенным является представление о том, что мораль и право в своем появлении и последующем развитии несоизмеримо далеко располагаются во времени. Безусловно, что мораль зарождается существенно ранее, чем право. Горизонт ее формирования как способа социальной регуляции находится за пределами первых государственных образований, тогда как, по словам Г.Ф. Шершеневича, «право есть функция государства, и потому логически оно немислимо без государства и до государства» [2, с. 310].

Аккумулируя в себе разнообразные и специфические механизмы управления человеческим поведением, нравственная регуляция на протяжении тысячелетий служит постоянно развивающимся симбиозом предписаний (мононорм), обеспечивающих функционирование догосударственного общества. С возникновением государства и права роль нравственной регуляции существенно снижается, уступая место официально закрепленным (узаконенным) правилам поведения. При этом нравственный компонент норм права (в первую очередь, справедливость), хотя и декларируется политико-правовыми документами, но не обладает реальным, воплощенным в отраслевом законодательстве, признаком атрибутивности. Более того, по мере укрепления государства в качестве аппарата насилия оценочно-предписательные очертания «добра» и «зла» приобретают расплывчатый характер, подверженный «веерным» изменениям в зависимости от потребностей государственной воли. Включение в содержание юридической нормы этического элемента как морального обоснования ее справедливости не является обязательным и вовсе ретушируется по мере нарастания присутствия государства в жизни общества (так называемой «избыточности государства»), хотя и может подразумеваться.

По верному замечанию Н.А. Власенко, «избыточность государства, как следствие, ведет к избыточности права, правового регулирования, что подавляет правовые принципы (начала) права и особенно принцип достаточности и баланса между ним и феноменом пробельности как смысла современного правотворчества» [3, с.121].

В результате возникшие из нравственно-юридического своеобразного симбиоза нормы морали и права с позиции разделяемого нами позитивистского подхода начинают постепенно изолироваться друг от друга на уровне идеального и фактического измерения окружающей действительности и подчас диаметрально противоположного оценивания происходящих событий.

Нельзя не отметить, что искренне почитаемый нами Г.В. Мальцев придерживался иного мнения, подвергая жесткой критике «панюридизм» позитивистского происхождения (Г. Кельзен, Г. Харт) и «принципиальный отказ законодателя юридически усиливать моральные установки» [1, с.182]. На наш взгляд, право обусловлено сложно организованной системой социальных связей, в которой происходит непрерывное появление все новых аспектов, в связи с чем приоритетный подход заключается в комплексном взгляде на междисциплинарные проблемно-ориентированные формы исследования. Вследствие этого возникают предпосылки для исчезновения разделительных

линий в предметно-содержательном сочетании нравственности и права в юридической норме.

Безусловно, следует согласиться с Г.В. Мальцевым, что «право никогда не бывает всего лишь инструментом в руках государства, оно по сути должно нести некий «высший план» общественного развития, предначертанный правопорядок, по отношению к которому государство и его управление, в свою очередь, выступают в инструментальной роли, т. е. являются средствами его достижения, постоянно корректируемыми по юридическим схемам» [4, с. 29].

Осознание личностью своего субъективного права нередко инициирует противодействие по отношению к несправедливости и попытку восстановить нарушенные права. Субъективное право, выступая в качестве аксиологической детерминанты взаимоотношений государства и личности, формирует самооценку гражданина и (одновременно) – оценку ее со стороны общества. В нем, как в зеркале, отражаются представления человека о своих нравственных идеалах и их признанности социумом – как отдельными лицами, социальной группой, обществом в целом, так и государством. В нем же экстраполируются представления человека о комплексе своих обязанностей, ибо только через данный симбиоз в полной мере может сложиться представление о ценности личности как субъекте правовых отношений.

Немецкий правовед Р. Алекси выделяет три понятия действительности права: социологическое, этическое и юридическое [5, с.105]. По его мнению, этическое понятие действительности означает моральную оправданность нормы, а в понятие юридической действительности входит и этический элемент в виде морального обоснования.

Именно поэтому история развития общества во многом сопровождается отстаиванием человеком законодательного закрепления своих прав и свобод, по сути, их юридизации. В современной России наблюдается существенный разрыв между уровнем развития правовой науки в целом и уровнем развития отраслевого законодательства в частности, от чего в значительной мере зависит не только состояние вертикальных и горизонтальных государственных связей, но и само состояние защищенности человека и гражданина.

Основополагающие естественно-правовые идеи, адаптированные к современному устройству общества, способствуют признанию государством прав и свобод личности как магистральной, стержневой ценности всех существующих правоотношений. Личность наделяется возможностью выступать полноценным субъектом права, а государство принимает на себя обязательство реализации данного права и его охраны от посягательств третьих лиц, а

также обеспечение уважительного отношения к населению и его нравственным притязаниям, в том числе, и со своей стороны.

Равные возможности в обеспечении реализации прав и свобод человека служат показателем соблюдения государством субъективного права личности. При этом процесс конституционного обеспечения реализации субъективного права включает совокупность норм, способов, средств и процедур, способствующих его воплощению с учетом объективных социально-экономических и политических условий и формирующих системную устойчивую нравственно-правовую аргументацию.

Нарушение или несоблюдение в государстве личных прав и свобод человека и гражданина, в частности, гарантий субъективного права гражданина, его безопасности обуславливает правовую незащищенность населения, подрывает авторитет власти и вселяет неуверенность в возможность государства способствовать поддержанию правопорядка в обществе. В такой ситуации человек перестает ценить и уважать право в силу того, что не видит в нем опору и надежный гарант соблюдения своих прав.

Мы не можем и не должны игнорировать тот факт, что нередко публичные и частные интересы не могут признаваться тождественными. Однако поиск баланса между ними и компромиссных решений, порождающих наименьшие негативные последствия, составляют одну из приоритетных задач конституционного государства. Процессы глобализации постепенно вовлекают в свою орбиту все цивилизованные страны. Именно поэтому концепция конституционных ценностей государства и отдельной личности может служить важным инструментом сохранения национальной идентичности, развития собственного суверенитета и конкурентоспособности и, одновременно, – надежным барьером на пути упрощенных и поверхностных взглядов на роль и значимость в государстве общественных институтов.

Как отмечает А.Ф. Черданцев, «Конституция Российской Федерации предусматривает идеологический плюрализм, однако в обществе так или иначе господствует какая-то одна идеология – идеология господствующего класса» [6, с. 5].

При фактической диффузии государства в самоуправляемые структуры, символизирующие гражданское общество, становится все более иллюзорной граница, разделяющая государство и право. В результате этого облик мифа приобретает и само понятие справедливости права, его нравственного содержания. Нравственность начинает измеряться государственной целесообразностью. То, что еще вчера могло казаться абсолютно безнравственным, неожиданно узаконивается юридической нормой в соответствии с новыми задачами государства, обретая тем самым

иную, освященную законодателем, смысловую нагрузку, а, следовательно, нравственную окраску. Данная тенденция сформировалась не в современный период и, конечно же, не в отдельно взятой стране. Она характерна для любой цивилизации, с момента создания протогосударственных образований.

На протяжении тысячелетий многие выдающиеся мыслители – от Платона до Маркса – создавали свои утопические теории и Города Солнца, веруя, что нравственность и право когда-либо сольются в гармонии на благо человечества, а государство и вовсе исчезнет. Сакрализация нравственности, искренняя вера, что исповедуемые ею заповеди и постулаты добра – это дар Божий, безусловно, способствуют совершенствованию моральных качеств личности. Однако весь прогресс человеческого бытия связан именно с забвением требований нравственности в содержании норм права.

По утверждению известного историка тоталитаризма Х. Арендт, «власть не нуждается в оправдании, составляя неотъемлемый элемент самого существования политических сообществ» [7, с.61].

Естественно-правовые теории, основанные на нравственном понимании смысла жизни, всегда только мешали правителям осуществлять свои планы по наиболее рациональному и эффективному (с их точки зрения) управлению населением. Поэтому право, как бы прискорбно это не звучало, услужливо подстраивалось под государственные задачи, то и дело изменяя своей «неприступной» догме в соответствии с государственной волей, покорно «возводя ее в закон», как об этом прозорливо напоминал нам главный идеолог коммунизма.

По словам М. Вебера, «государство, равно как и политические союзы, исторически ему предшествующие, есть отношение господства людей над людьми, опирающееся на легитимное (то есть считающееся легитимным) насилие как средство» [8, с.646].

Современные, весьма противоречивые тенденции в различных сферах жизни и взаимодействия мирового сообщества, отягощенные геополитическими вооруженными конфликтами, не могут не находить своего отражения в праве, которое является универсальной системой нормативного регулирования социальных процессов. Потребности, цели, интересы и мотивы государства и общества, как участников процесса правового регулирования, нередко находятся в противоречии, но в то же время они взаимно обусловлены. На самом деле, цель правового регулирования фактически опосредована множеством целей и интересов субъектов правоотношений, зависит от них. Вот почему государство стремится, в том числе, и с помощью насилия, не только консолидировать их и привести в соответствие запросы правящей

элиты с общественными потребностями, одновременно обеспечив на максимально возможный срок удержание власти и ее легитимацию с помощью правового, а не нравственного инструментария.

Однако роль нравственности при этом также нельзя недооценивать. Соответствие целей государственной деятельности общественному идеалу потребностей, интересов, мотивов участников общественных отношений, урегулированных нормами права, представляет собой важнейшую нравственную характеристику процесса правового регулирования. Чем адекватнее выглядит это соответствие, тем более справедливым воспринимается населением процесс правового регулирования.

Как нам известно из школьного курса «Истории древнего мира», мифологическое сознание проявлялось наиболее заметно в период догосударственного общества, однако феномен мистификации остается вполне востребованным и сегодня. В первую очередь, мы имеем в виду поддерживаемый на государственном уровне миф о независимости права и его способности влиять на принимаемые властью решения от имени народа. На деле все происходит ровно наоборот. Право лишь оформляет возникшие у правящей элиты идеи переустройства жизни общества, облачая их в форму законности и придавая им характер легитимации.

А.Ф. Косарев справедливо называет мифом «словесное выражение той психической реальности, которую человек созерцает в измененных состояниях сознания и которая для него ничуть не менее реальна, чем окружающая его в обычных условиях физическая реальность» [9, с. 131]. Право в данном случае выполняет функцию механизма создания такой иллюзии, причем не всегда в достаточно изящной интерпретации.

Нередко законность и правопорядок воспринимаются населением не как выгодные и единственно возможные условия цивилизованного общественного устройства, а как навязанные государством обстоятельства, которые ограничивают свободу граждан и которые надо преодолевать или уклоняться от них. В общественном сознании образ государства присутствует в двух измерениях – фактическом, где отсутствуют законность и справедливость, и зазеркальном, в котором витают идеи добра и общечеловеческих ценностей.

По нашему мнению, правовое регулирование должно основываться не на поддержании веры общества в мифический образ государства всеобщего благоденствия, а на создании платформы (матрицы) конструктивного взаимодействия всех органов, отвечающих за социально-экономическую политику, средств массовой информации, религиозных и общественных структур, нормативно-управленческого ее обоснования.

Приоритетной задачей является достижение консенсуса с гражданским обществом по вопросу о том, что победить произвол бюрократического аппарата возможно, однако причины его эскалации лежат в социальных проблемах, поэтому государство должно выступать в качестве непосредственного и заинтересованного координатора их решения.

В свою очередь, в современной ситуации противостояния с коллективным Западом граждане страны обязаны выполнять свой долг перед обществом и защищать интересы государства. Вольно или невольно им приходится мириться с установленными государством правовыми ограничениями, так как закон, мораль, общечеловеческие ценности имеют приоритет и должны господствовать в демократическом обществе. Реализация права на свободу в особых условиях налагает и особые обоюдные обязательства государства и общества и именно поэтому может быть ограничена в тех пределах, в которых этого требуют интересы обеспечения безопасности государства, защиты общественной нравственности, здоровья, прав других граждан.

### **Список литературы**

1. Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М., 2008.
2. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1911.
3. Власенко Н.А. Методологические основания исследования правовых ценностей. М., 2023.
4. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007.
5. Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / Пер. с нем. Москва-Берлин. 2011.
6. Черданцев А.Ф. Интегративное недопонимание права // Журнал российского права. 2016. № 10.
7. Арендт Х. О насилии / Пер. с англ. М., 2021
8. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
9. Косарев А.Ф. Философия мифа. М., 2000.